

УДК 1 (47 + 57)

Идея "народной монархии" в работах Ю.Ф. Самарина

О.В. Груздева

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В работе представлены взгляды выдающегося славянофила Ю.Ф. Самарина на проблему взаимоотношений народа и власти. Рассмотрена его идея о "народной монархии" и сделана попытка проанализировать эту форму правления с позиции современности. Проблема народа и власти особенно актуальна в настоящее время в связи со сложностью развития демократического государства и гражданского общества. Политические идеи Самарина существенны для понимания истоков этой важной проблемы.

Abstract. The views of a prominent Slavophile Yu.F. Samarin concerning the problem of relation between people and authorities have been represented in this work. His ideas about "people's monarchy" and this form of government have been analysed in the paper. The problem of people and authorities is urgent nowadays because of the complexity of development of democratic state and civil society. Samarin's political and philosophical ideas have been considered to be important for understanding this problem.

1. Введение

Парадоксальные взаимоотношения народа и власти всегда привлекали людей творчески и критически мыслящих – будь то философские взгляды Платона, Монтескье и Канта или художественные образы Шекспира, Достоевского и Кафки. С той или иной творческой позиции приоткрывалась завеса на этот не до конца изученный феномен.

Суть данного исторического парадокса удачно определил В. Кантор: в нашей стране всегда "власть опиралась на народ и на народное мнение, при этом жестоко эксплуатируя свой народ (временами почти до уничтожения). Она ориентировалась на народные ценности, уничтожая инакомыслие от имени и с помощью народа. Но вместе с тем абсолютно не считалась с ним при проведении крупномасштабных реформ, строек и перестроек" (Кантор, 1996).

В этих философско-исторических антагонизмах пытался разобраться и Юрий Федорович Самарин (1819-1876) – русский общественный деятель, философ, историк и публицист, один из крупнейших идеологов славянофильства XIX века.

Имя русского православного мыслителя было широко известно в России и за ее пределами во второй половине XIX столетия, но в наше время оказалось незаслуженно забыто. Часто историографы даже не упоминают имя Ю.Ф. Самарина, говоря о зарождении славянофильства. Его сочинения после революции ни разу не переиздавались. О нем написана всего одна монография: Б.Э. Нольде "Юрий Самарин и его время" (Париж, 1926). Однако без идейного наследия этого малоизвестного представителя славянофильства наши представления о русской общественной мысли были бы неполны. Именно поэтому обращение к трудам Самарина представляется актуальным и важным.

"Славянофильство явилось определенным проявлением и своеобразным развитием тех стремлений к самобытности и народности, которыми жила передовая русская общественная и литературная мысль уже в 20-е годы, и начало которым было положено событиями Отечественной войны 1812 года, обострившими в россиянах чувство патриотизма и национальной гордости" (Самарин, 1997).

В нашей работе мы рассмотрим взгляды мыслителя на проблему взаимоотношений народа и власти с позиций исторических реалий XIX века.

Постановка проблемы под таким углом зрения актуальна в нескольких отношениях. Во-первых, проблема общества и государства актуальна в связи со сложностью развития демократического государства и гражданского общества. Во-вторых, в политических идеях Ю.Ф. Самарина мы находим истоки понимания проблемы взаимоотношения граждан государства и верховной власти, что важно для изучения духовного наследия прошлого.

2. О лучшей форме верховной власти

На первый взгляд, определение "народная монархия" кажется несуразным. С филологической точки зрения, этот литературный прием называется оксюморон, т.е. "совмещение несовместимого". Одно слово противоречит другому: "монархия" уже подразумевает одного верховного правителя, а слово "народ" – много людей, население. Однако Самарин не первый, кто предложил данную "несуразную" форму правления. Зачатки идеи "народной монархии" возникли еще за пятьсот лет до появления самаринской идеи.

Вспомним факты истории XIV века. Милюков П.Н. в "Очерках по истории русской культуры" пишет о том, что публицист Иван Пересветов, защищая политику Ивана IV, предложил нечто вроде "теории демократического самодержавия". По его мнению, нормальной жизни России мешают бояре, в связи с этим он предлагал "устранить этих подозрительных посредников между царем и народом. Действовать мимо них, обратиться прямо к самому народу с лобного места – таков прием Ивана IV; такова же теория и его защитника" (Милюков, 1995). Значит, в определение "народная монархия" имеет смысл вдуматься.

Вопрос о "лишних людях" – ненужных посредниках между царем и народом – остро воспринимался как в XIV веке, так и в современной России. В XX столетии публицист И.Л. Солоневич, оценивая историческую обстановку XIX века, к разряду "лишних" людей относит класс дворян. Этот слой служилых людей, по его мнению, стоял между монархом и народом и всецело зависел от монарха. Дворяне не имели ничего общего с народом и его интересами. Они "присваивали" власть и достояние монарха только за счет порабощения простых людей. Это еще раз подтверждает тот факт, что между народом и царем всегда стояло "лишнее" сословие, принесшее России много зла. Об этом говорит и Ю.Ф. Самарин, критикуя "нелепую" дворянскую среду за оторванность от народных корней.

Отрицая крепостное право, критикуя деспотизм и бюрократизм, с которыми было связано самодержавие Николая I, общественный деятель ратует за неограниченную власть монарха, однако при условии, что народ получит право свободно выражать свое мнение на Земских соборах. Именно Земские соборы в допетровской Руси, по мнению славянофилов, являлись эффективным методом общения верховной власти с народом.

Почему же Самарин видел необходимость "народной монархии"?

1) При "народной монархии" образцом общественных отношений станет иерархия христианской общины с верховной властью в ее вершине. Иными словами, христианское общество должно поверить власти, власть должна доверять народу. Только в этом случае союз народных и верховных сил принесет хорошие плоды. Таково было первое выражение самаринской идеи русской "народной монархии", возникновение которой он, вслед за А. С. Хомяковым, понимал как акт народного суверенитета.

2) Народное самодержавие укрепит авторитет монарха – верховного представителя народа. Но для этого необходимо развить систему местного земского, крестьянского и городского самоуправлений. Необходимо сблизить центральную власть с центральными земскими учреждениями. Именно такая реформа "снизу" сможет сократить дистанцию между правительством и народом.

3) Неограниченную монархию народ создает для себя. Об этом Ю.Ф. Самарин писал в своем историко-теоретическом рассуждении "О двух началах нашей народности, православии и самодержавии" (1840). Неограниченное самодержавие – "священное наследство нашей истории" (Самарин, 1997). Какой бы поворот не произошел во всемирной истории – междоусобные войны, религиозные смуты или общественные перевороты – народы всегда возвращаются к монархической форме правления. Самарин считал, что на том историческом этапе не было силы, которая бы ограничила самодержавие, так как для невежественного народа это была единственная "законная" и "несокрушимая" форма правления. В связи с этим славянофил был противником конституционных преобразований: в Российской империи это время еще не пришло.

4) "Народная монархия" соответствует нашей ментальности. "Примерять чужие формы правления так же неуместно, как и надевать чужое платье", – уверен Самарин (1997). Например, английская правовая система или федерально-республиканское устройство Соединенных Штатов не соответствует нашей ментальности. Национальности нашего народа соответствуют методы и средства лишь "народной монархии", в основе которой вера, народность и православие. Такая монархия, по убеждению мыслителя, верный путь к гармонии формы и содержания, где форма есть власть, а содержание – народ.

Вышеперечисленные преимущества "народной монархии" перед другими формами правления говорят о том, что время требовало перемен. Ю.Ф. Самарин, как и большинство мыслящей части общества, думал не об улучшении петровской системы управления (с ее бюрократической системой) и ценностях, лежавших в ее основе, а об иных возможностях развития страны. "Иным" путем развития являлся как раз возврат к базовым ценностям допетровской России, который философ видел именно в "народной монархии": в свободной печати, в новом суде, в возрождении земских соборов, широком местном самоуправлении и отсутствии резкого социокультурного раскола между правящим классом и большинством народа. Именно эти условия, по мнению Самарина, способны придать нашей государственной и общественной жизни национальный характер, поднять наш народный дух.

"Народная монархия" имеет место быть по простой исторической причине. Московское самодержавие, в отличие от Западной Европы, имело народные корни. Ведь именно простые люди были заинтересованы в том, чтобы верховный правитель защитил их от феодального и боярского произвола, и поэтому они всегда поддерживали своего царя.

В нынешних условиях "народная монархия" и даже просто монархия в стране, потерявшей национально-религиозные основы, где значительная часть населения вообще смутно их представляет – это невозможно, да и не нужно. Оценив многовековую историю, современный русский народ понял, что ни монархия, ни тем более народная монархия не может существовать в России. Общественное сознание не приемлет единовластного правителя. Такая форма правления, опираясь на исторический опыт, неоднократно приводила страну к жесточайшим кризисам. Но это уже страница прошлого. Сейчас мы идем по демократическому пути развития, по пути народовластия. Любопытно, что даже "тиранические структуры типа сталинизма называли себя демократией. После 1917 г. страна пережила тоталитарную «сталинскую демократию» и относительно либеральную «советскую брежневскую демократию», а в последние годы мы безуспешно пытаемся построить парламентскую демократию" (Кантор, 1996). Ни для кого не секрет, что привыкший к бесправию народ никогда не имел реального выбора (как давным-давно на Земских соборах, когда народ слушали, но не слышали). Реальность современной России подтверждает этот факт: на выборах народ зачастую голосует (заметьте, именно "голосует", а не "выбирает") за указанных им людей.

3. О Божественной сути отношений народа и верховной власти

Весь XIX век охранительно-консервативная идеология утверждала, что "глас императора – это глас Божий". Ю.Ф. Самарин как православный человек не был исключением: он считал, что власть имеет божественное происхождение, и только правителю народ доверяет. Согласно его философии, Христос и апостолы создали Церковь, которая является связующим звеном между верующими и Богом, и научили людей правильному отношению к Богу. В то же время он отрицает принадлежность государственных форм и конституции Спасителю и апостолам. Это уже воля человека – придавать своей власти форму и наполнять ее содержанием. Законы божьи заключены в одном документе – Библии, законы же земные могут быть представлены в разных видах – договорах, конституциях, хартиях и т.д. Согласно мыслителю, религия, которую признает русская философия, есть Православие.

С одной стороны, народ подчиняется своему правительству, если оно соответствует его вере и национальности. В этом случае в основании монархической системы России – православная вера и истинная народность. С другой стороны, идея верховной власти не имеет основания, так как ее основание – в ней самой. В этом случае нет разделения на православных и католиков, русских и немцев, есть только верноподданные. "И власть над ними, – пишет Самарин (1997), – не иначе, как насилие". В любом случае Самарин отмечает, что власть верховного правительства законная и священная. Философ говорит библейским языком: "только такой власти обязаны подданные покоряться не только за страх, но и за совесть".

Несколько раньше об этом говорил и П.Я. Чаадаев: "Установленная власть всегда для нас священна", ведь "ни один народ мира не понял лучше нас текст Священного Писания: "несть власти аще не от Бога" (Посл. к римл. 13:1)" (Чаадаев, 1989).

Пивоваров Ю.С. и Фурсов А.И., разрабатывая триединый комплекс принципов Русской Власти ("власть первична", "власть первична, население вторично", "власть первична, территория вторична"), утверждают: "Это у них, на Западе, «власть – от народа» (когда-то «от Бога»). У нас «власть – от власти» (было и «от Бога»)" (Пивоваров, Фурсов, 2004). Тезис "власть – от власти", высказанный авторами статьи, больше относится к современной политической ситуации России, где человек добровольно утратил божественный дар царствовать на Земле, уклоняясь в самовольное властвование, поработав себе подобных и тем самым преступая заповеди Творца и совершая грехопадение. Примером служит парадокс нашей действительности: несмотря на множество законов, Россия остается самой незаконной страной. А партии, фракции и политические течения не способствуют объединению людей, а, напротив, способствуют – в некотором смысле – разобщению.

Однако христианство все же диктует нам, что "Власть – от Бога".

Согласно Библии, даже после грехопадения наших прародителей Господь не лишает человечество царствования на земле. Человек обладает царственным умом (в отличие от всего животного и растительного мира), имеет свободную (можно сказать и царственную) волю, большие (царственные) задатки что-либо преобразовывать и способности это реализовать. Однако позже право называться царем распространяется лишь на избранных. В любом случае в Священном Писании слова "царь" и "Бог" ставятся очень часто рядом: "Бога бойтесь, царя чтите" – 1-е посл. Петра 2:17; "кесарево кесарю, а Божие Богу" – Еванг. от Матф. 22:21; "Бойся сын мой, Господа и царя" – Притч. 24:21.

История развития всех народов мира подтверждает, что на определенных этапах эволюции человечества последовательно появляются вначале вожди племени, затем князья и, наконец, цари, воплощающие собой (при образовании государства) уже некую высшую степень государственной власти. Но как бы человечество ни развивалось и какие бы государственные формы политического правления ни принимало, всем владеет Бог. Таким образом, в историческом плане монархия выражает не

только государственное начало, но, прежде всего, богоустановленное начало. Монархия – это своего рода религиозный идеал, в основе которого православная вера.

Здесь хотелось бы подвести итог этому небольшому разделу. Однако, более или менее разбираясь в сущности религии, можно опровергнуть тезис "Власть от Бога" и связанную с этим стереотипную аксиому о том, что русской душе соответствует православная религия, о чем не раз говорил и Ю.Ф. Самарин. Ведь никакая религия, и христианство в том числе, не соответствует и не может соответствовать душе любого трудового народа. Русский народ сам противоречит канонам своего вероисповедания. Почему? Все дело в том, что суть нашей религии, опирающейся на Библию, сводится к двум принципам: "всякая власть от Бога" (что мы рассмотрели выше) и "претерпевший до конца – спасётся", то есть попадёт в рай. В этом достаточно убедиться, внимательно почитав Библию:

– "Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти, противится Божию установлению... Начальник есть божий слуга" (Еванг. Послан. Павла к римл. 13: 1-4).

– "Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли... Ибо такова есть воля Божия..." (1-е посл. Петра, 2: 13-15).

– "Слуги, повинуйтесь господам не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо" (Там же. 2: 18,19).

– "Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас" (Еванг. от Матф. 5: 44) и т.д.

Что касается русской души, то она, как и душа любого трудового народа любой страны, проявилась как раз в борьбе с эксплуататорами в форме восстаний под руководством Болотникова, Разина, Пугачёва, в форме крестьянских бунтов против помещичьего гнёта, в революциях, наконец, и т.д. Именно единство общих интересов, а никак не религия, объединяет угнетённый народ в борьбе против социального зла. Эти исторические факты в открытую противоречат коренному требованию религии: "всякая власть от Бога" и "претерпевший до конца спасётся".

Как истинный православный мыслитель, Самарин придерживался мнения о том, что власть дается свыше. Только власть как способность организовывать жизнь людей, а не подчинять их волю, сможет соответствовать власти божественной. Но в современном мире человек трактует слово божье себе во благо, а не во благо всех людей. Библия является в наше время прикрытием бесчинства на Земле: "...будьте покорны ...человеческому начальству", "...противящийся власти, противится Божию установлению...", "...молитесь за обижающих вас и гонящих вас...". К тому же, как верно заметил Чаадаев (1889), основа русского общественного строя – семья, поэтому русский народ видит во власти еще и родительский авторитет, который применяется с большей или меньшей суровостью. "Всякий государь, каков бы он ни был, для него – батюшка... В нашем представлении не закон карает провинившегося гражданина, а отец наказывает непослушного ребенка".

Смирение – вот к чему призывает Библия. Смирение – вот к чему привык русский православный народ, поэтому в современном мире, скорее, "власть от власти" и с этим народ смирился.

В любом случае, от "Бога ли власть" или "власть от власти", соответствует ли признанная в России религия русской душе или это "привычка" русского народа быть православными и смиренными, нужно апеллировать к своей собственной душе. Только там человек найдет ответ на этот вопрос.

4. "Народная монархия" Л.А. Тихомирова и И.Л. Солоневича

Наряду с Ю.Ф. Самариным, можно выделить еще двух крупных авторитетов "народной монархической идеи" – это Лев Александрович Тихомиров (1852-1923) и Илья Лукьянович Солоневич (1891-1953).

Л.А. Тихомиров в своем произведении "Монархическая государственность", разрабатывая идеи "народной монархии" на фундаменте славянофильства, привнес абсолютно новаторский характер. Если славянофил старого типа Самарин (наряду с братьями Аксаковыми, А.С. Хомяковым и др.) видел основу социального устройства России в неизменной крестьянской общине – выразительнице национального духа, то Тихомиров, не понаслышке знавший крестьянскую жизнь и исколесивший пол-России, видел неизбежное разложение старых форм общины. В то же время он не вставал на антиобщинную позицию либералов-западников. Тихомиров видел огромный потенциал общинной традиции, но понимал, что сохранение общины невозможно в ее неизменных формах. Ю.Ф. Самарин тоже видел противоречия в дальнейшей судьбе общины и утверждал, что эта форма не может быть вековой, однако он оставлял надежды на ее естественное изменение путем свободного развития. Самарин полагал, что христианская община может стать альтернативой государственному устройству России и сможет защитить ее от западных социалистических и коммунистических доктрин. Он понимал, что борьба между крестьянами и помещиками неизбежна. Но "эта борьба, – писал он в письме к И.С. Аксакову 7 мая 1861 г., – ...вызовет

то напряжение всех способностей ума и воли, т.е. усилия понять, уяснить, приладить, исправить закон, без которого ни мы, ни народ не пробудимся от нашей полуторастолетней спячки" (Самарин, 1997). Понять, уяснить, приладить, исправить – такая градация воспринимается как призыв к общественности бороться за сохранение и укрепление крестьянской общины, благодаря которой крестьянская реформа обретет национальный характер.

Как представитель рубежа веков, Тихомиров, с позиции человека, ощутившего результаты крестьянской реформы и оценившего перспективы развития страны, предлагал реформировать общину в корпоративную (что, по его мнению, больше соответствовало уровню развития экономики того времени). В этом заключалась его "идея корпоративно-организованного общества" (Афонский, 2001). Суть этой идеи в том, что он "не просто выступал за посредничество государства в спорах между рабочими и предпринимателями, а выдвигал идею симбиоза их интересов как на отдельных предприятиях, так и в общенациональном масштабе" (Афонский, 2001). Тихомиров вслед за славянофилом-философом выступал не "за рабское повиновение подданных верховной власти, а за свободное", так как "нация сама по собственному своему психологическому состоянию, решила подчиниться...", а "источник верховной власти находится в духе нации, который является поэтому поддержкой самой верховной власти, основной силой ее существования и властвования" (Тихомиров, 1992).

Другой представитель идеи "народной монархии" И.Л. Солоневич – известный в эмиграции монархический публицист (не особенно чуткий к православному содержанию русской монархии). Свою идею "народной монархии" он, как и Самарин, взял из допетровского социального строя русского государства. Тогда именно церковь соединяла царя с народом. Однако позже эта связь была разрушена Петром, и посредником в общении государя с народом вместо церкви стала бюрократия, о чем мы говорили ранее. Солоневич выступал за единство царской власти с церковной и земской и выдвигал понятие монархии соборной, народной. Он отмечал, что в наибольшем виде такое единство было осуществлено именно в Московской Руси. Земские соборы явились эффективным методом общения царя с народом – слом этой системы в конце XVII столетия – трагический перелом в русской истории. Однако монархический публицист, в отличие от большинства славянофилов, видел в этом переломе "измену дворянства земско-соборному строю жизни, установившемуся в России после Смутного времени, начиная с 1613 года. Будучи наиболее тесно связанным с правительственным аппаратом, его представители смогли беспрепятственно разрушать земско-соборные структуры управления" (Афонский, 2001). Необходимо отметить и то, что в триаде "самодержавие – православие – народность" он, в отличие от философа Самарина (который отдавал предпочтение православию), именно народность сопрягал напрямую с самодержавием, забывая о религиозно-православной составляющей, без которой ни сама Россия, ни народность, ни самодержавие были бы невозможны.

Таким образом, и Ю.Ф. Самарин, и Л.А. Тихомиров, и И.Л. Солоневич рассматривали "народную монархию" с позиции своего времени.

Тихомиров был убежденным православным монархистом, который не только стремился к духовному христианскому просвещению, но и стремился воплотить в жизнь старые общинные традиции на новый лад. Примером тому служит его идея о корпоративно-организованной общине, отвергнутая правительством в начале XX столетия. "Корпоративная система ценностей прошла неоднократную проверку в Европе, Америке и Азии и именно она (эта система) сможет в нынешних условиях привести современную Россию к экономической стабильности", – считал Л.А. Тихомиров (1992).

Но главное отличие тихомировской модели от западных – тесная связь с православными духовными принципами и принципами самодержавной легитимной монархии. Идеи Тихомирова были бы более близки Самарину, если оба они являлись современниками. Однако при всем временном различии этих народных монархистов, их связывает идея о единстве православного народа и самодержавия.

Взгляды же Солоневича, в отличие от вышеназванных, представляют собой синтез народно-крестьянского монархизма, а не православного, с собственной монархической системой взглядов на будущее России. Как убежденный монархист, он был разочарован результатом политической деятельности российской интеллигенции в предреволюционное время. Представители власти и интеллигенции показали свое нежелание реорганизовать общину (после отмены крепостного права), чтобы приблизить ее к развивавшимся рыночным отношениям. В результате "Положение об освобождении крестьян" 1861 года законсервировало нерепроформированную общину со всеми ее слабостями. Этим воспользовались революционеры, чтобы вести революционную пропаганду среди крестьян. Этот фактор был одним из многих, которые повлияли в дальнейшем на революцию 1917 года и последовавший за этими событиями крах тысячелетней монархии. Солоневич, в отличие от Самарина, видел единство народности и самодержавия, в этом, по его мнению, будущее России, а никак не в единстве православия и самодержавия. Этим он предсказал нынешнюю ситуацию, когда "власть не от Бога", как мы выяснили, а "власть от власти", так как православная вера потеряла свою актуальность в современном мире.

5. О земной сути отношений народа и верховной власти

Развивая тему взаимоотношений граждан государства и представителей власти, Самарин выступает ярким защитником народных масс. Народ – не материал, из которого можно вылепить что угодно (козла, вола, Геркулеса, по его словам), а живое существо, как и отдельная человеческая личность. Заметьте, мыслитель по отношению к народу использует метафорические образы "козла", "вола" и "Геркулеса". Слово "козел", с одной стороны, бранное слово, которым называют человека, вызывающего раздражение своей упорствующей глупостью. В багаже русской фразеологии есть много словосочетаний со словом "козел", имеющих негативную коннотацию, которые очень характеризуют нынешнее отношение правительства к народу, и наоборот. Из людей либо пытаются сделать "козлов отпущения", то есть свалить чужую вину, ответственность за чужой проступок (у древних евреев на козла вообще возлагались все грехи мира), либо доказать народу его бесполезность, и нет резона "пускать козла в огород", либо, наконец, убедить людей, что от народа "как от козла – ни шерсти, ни молока". Далее, слово "вол" характеризует человека, который работает не покладая рук, смирившийся к тому же с тяжелой ношей. Наконец, Геркулес воплощает физическую красоту и необыкновенную силу. Все эти определения очень характеризуют отношение власти к русскому народу во все века.

Полемизируя с западником К.Д. Кавелиным в статье "О мнениях «Современника» исторических и литературных", Ю.Ф. Самарин отстаивает свою славянофильскую идею самобытности России и защищает русский народ.

Кавелин пишет о "родовом быте" славянских племен, лишенных, по его мнению, индивидуализма. Он утверждает, что русский народ – безличная масса, а единственная творческая сила русской истории – государство, самодержавная воля Петра Великого. Славянофильское же воззрение на народный быт прямо противоположно кавелинскому. Общественный деятель Самарин говорит об общине как определяющем начале русской истории, о том, что государство создает русская земля, русский народ, а князь является защитником всех членов общины и гарантом социальной справедливости. Политическая доктрина философа основана на признании только двух сил – самодержавия и сельской общины, которые он неразрывно связывал. По его словам, община – реальность современной русской деревни, средство, которое надо использовать, чтобы уберечь крестьянина от превращения в пролетария.

Кавелин слишком категоричен, называя Петра I единственной исторической силой. Факты истории показывают, что не только Петр I творил русскую историю, но и многие другие верховные правители, начиная с Рюрика Новгородского в Киевской Руси, Андрея Боголюбского времен Владимиро-Суздальского княжества, Ивана Калиты и Дмитрия Донского – правителей Московской Руси, Ивана Грозного уже в русском централизованном государстве, наконец, Федора, Алексея из династии Романовых. И народ нельзя назвать безличной массой. А как же выбросишь из истории всенародные восстания и бунты, в результате которых предпринимались попытки (пусть и неудачные) поменять власть? Конечно, политики всегда манипулировали массами и вели их в нужное для себя русло. В этом и заблуждение Ю.Ф. Самарина, который говорит о князе как о гаранте справедливости. Действительно, князь – гарант, который заключал некий договор с народом и дружиной (двумя опорами князя). Однако его правление всецело зависело от поддержки свободных горожан и земледельцев. И князь манипулировал этой частью народа, создавая им внутреннюю и внешнюю защиту, чтобы остаться на своем месте.

Кавелин своими убеждениями близок к Чаадаеву, который посвятил свою жизнь разгадке положения России в мире, и тоже видел в народе массу, только не безличную, а статичную. Чаадаев писал (1989): "В русском народе есть что-то неотвратимо неподвижное, безнадежно ненарушимое, а именно – его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет...Идея законности, идея права для русского народа бессмыслица...". Славянофил Самарин, продолжая эту мысль, причину такого бездействия видит в отсутствии живого проводника – общественного духа. Между российским государством и русской землей, правительством и народом нет контакта ни божественного, ни делового: народ разучился понимать правительство, правительство отвыкло говорить языком, для народа понятным. Даже "последние манифесты, задуманные по-французски...достигали до народного слуха, не проникая в его душу", – пишет философ. Эти же самые мысли развивал в своей политической теории славянофильства К.И. Аксаков, хотя в несколько иной тональности. Говоря о том, что народом правит "публика" (то есть государство, по К.И. Аксакову), он иронично заметил, что публика говорит по-французски, а народ – по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. Манифесты, "приспособленные к требованиям общественного мнения Западной Европы", никогда не дойдут до души русского человека, – таков конечный вывод о взаимоотношении народных масс и правительства, сделанный Ю.Ф. Самариным (1997).

В переписке с Аксаковым философ развивает мысль о трёх периодах национальной жизни: "исключительной национальности", "подражания" и "разумной народности" (Самарин, 1997). Исключительная национальность проявляется в обособлении себя (то есть русского народа) от других

славянских народов. Причину "подражания" Западу Самарин видел в дворянстве, которое оторвано от народных основ и не имеет творческой силы. Период же "разумной народности" он связывает со славянофильством, которое пыталось донести до общественности идею о национальной самобытности народа. В письме также речь идет о двух началах нашей народности – православии и самодержавии (Самарин, 1997). Самарин считал, что только в народе сохраняется народный дух, а повседневная политическая жизнь представляется ему борьбой народного быта с бездушной цивилизацией.

Положения его социально-политической доктрины отразились в записке "О крепостном состоянии и о переходе из ничего к гражданской свободе" (1853-1856). Во-первых, Ю.Ф. Самарин видел необходимость освободить крестьян с землей; во-вторых, выступал за существование двух форм собственности – частной и помещичьей. На практике же он осуществил свои идеи с началом царствования Александра II. Эпоха реформ закрепила политические взгляды философа и его мнение о необходимости "народной монархии". Он выступает в защиту самодержавия: "У нас есть одна сила историческая, положительная, – это народ, и другая сила – самодержавный царь" (Самарин, 1996). Заметьте, народ – "положительная сила", а самодержавие – "другая сила". В данном случае Самарин умышленно избегает дать оценку русской власти, она у него не со знаком "+", ни со знаком "-". Определение "другая" очень хорошо подходит к понятию "самодержавие". Представители верховной власти другие – не такие как народ. И здесь мы вновь возвращаемся к тому, что славянофил-философ Ю.Ф. Самарин назвал отсутствием "живого проводника" (общественного духа) между простыми людьми и властью имущими.

Мыслитель требовал для России самобытного развития, но в то же время боялся ломки народного быта, преждевременного искажения его коренных начал. Однако "неисправимый славянофил" (как он сам себя называл) высоко ценил западную цивилизацию и всеми силами защищал те заграничные нововведения, которые "просвещали" русское общество. Здесь возникает вопрос: почему, выступая за самобытность России, он не отрицает западного влияния, видя в этом огромный плюс в развитии нашей страны?

Причина, видимо, в том, что уже изначально идейное течение славянофилов было неоднородно, и зачастую его представители высказывали противоречивые мысли, что мы и видим у Самарина. Наряду с убеждением о национальных ценностях, основанных на идеях Земского собора 1613 г., славянофилы обладали зарядом западной либеральной идеологии. С одной стороны, борясь с западничеством (бюрократической системой и революционными идеями), славянофилы скатывались к европеизму в вопросах внутреннего государственного реформирования или славянской солидарности. А в вопросе о церковной политике славянофилы вообще оказались по одну сторону с западными чиновниками-либералами. Будучи глубоко православными людьми, славянофилы недооценивали роль церкви в сложившейся ситуации и выступали против созыва церковного собора. Этим они показали свою отдаленность от происходящих в народной среде процессов, и, более того, отдаленность от глубокого осознания православной веры в России. Они не понимали основного момента в реформах Александра II – "церковная реформа должна была предшествовать освобождению крестьян, дабы вчерашние крепостные, терявшие веру в прежний миропорядок, могли найти мощную духовную поддержку у независимой от государства церкви..." (Афонский, 1999). Таким образом, вышеприведенные примеры как раз объясняют противоречивость самой идейной программы, а вслед за этим, и противоречие между самими идеологами. Несмотря на некое несовершенство программы славянофилов, и, как следствие этого, распад течения к началу 80-х годов XIX века, опыт славянофилов – это основная база и наследие для убежденных сторонников национальной самобытности России.

Философ всегда отрицал свою принадлежность к одному из идеологических течений или какой-либо партии. Несмотря на это, он был партийным человеком, так как само славянофильство возникло как течение умеренно-либеральное, позже превратившееся в партию земского либерализма. "В произведениях Самарина, Кошелева, И. Аксакова, Черкасского разрабатывался вариант политической теории российского либерализма, основу которого заложили Хомяков, Киреевский, К. Аксаков, – пишет Н. Цимбаев (1986), – ...славянофильство возникло и развивалось как направление раннего русского либерализма, идеи которого лишились специфических славянофильских черт и растворились в политической программе земского либерализма, видными деятелями которого стали А. Кошелев и Ю. Самарин". О том, что Самарин был умеренным либералом, говорят его антикрепостнические взгляды; стремление к гражданской свободе; критика правительства, ущемляющего свободу слова, печати, свободу совести; защита прав народа через верховного монарха; активная борьба за развитие местного самоуправления; стремление к земскому устройству общественной жизни с целью сужения сфер деятельности государства.

Таким образом, наш народ, согласно мыслителю – это историческая сила, живое существо, которое творит историю. Однако эта "сила" основана на смирении и подчинении, которые заключены в нашей православной вере. И под "силой" понимается моральная, духовная непоколебимость народа своей вере и многовековым принципам.

Самаринская боязнь преждевременного искажения коренных начал народного быта подтвердилась. Это закономерный и неизбежный процесс. Рост городов, высокая урбанизация, научно-технический прогресс привели к тому, что на русские глубинки власти обращают все меньше внимания и, как следствие этого, налицо тяжелое положение деревень, низкий уровень жизни и, соответственно, "вымирание" крестьянской среды – хранительницы народного быта.

Испокон веков наша национальная самобытность проявляется в отношении к религии и власти, о чем и говорил философ. Только в народе сохраняется народный дух, а в политической жизни сохраняется дух цивилизации. Под "духом" понимается, прежде всего, внутреннее состояние, моральная сила человека или коллектива. И общественный деятель был совершенно прав в том, что историческую проблему взаимоотношений народа и власти видел в отсутствии духа общественного. Этот дух должен был отражать понимание властями проблем народа, а также отношения людей в обществе и их положение.

6. Ю.Ф. Самарин о национальной политике правительства

Своими "Письмами из Риги" (1849) Самарин предвосхитил появление "остзейского вопроса", который наиболее остро проявился в печати в 60-е годы XIX столетия. Слухи о насильственном присоединении к православию эстов и латышей побудили публициста-философа написать это произведение, целью которого было – довести до сведения общественности реальные факты той эпохи. А именно: систематическое угнетение русских немцами и оскорбление русской народности в Прибалтике. Этой книгой общественному деятелю удалось пробудить и в правительственных кругах, и в обществе внимание к Прибалтийскому краю, о котором в то время мало что было известно.

Исторически сложилось так, что в Российской империи, СССР и России к Прибалтике всегда относились по-особому. До начала XVIII века в Эстонии, находившейся во владении Швеции, существовала система привилегий немецкого дворянства, так называемый особый остзейский порядок. Однако в 1710 г. Эстляндия была присоединена к Российской империи в ходе Северной войны. Петр I подтвердил права и преимущества земских и городских сословий Лифляндии и Эстляндии, а также право пользования любекским правом в городах, которое ограничивало власть и давало право простым гражданам вводить некоторые собственные законы, вместо того чтобы каждый раз обращаться к самому монарху. Были установлены значительные привилегии для остзейского дворянства. Надо сказать, что прибалтийское дворянство добросовестно служило за привилегии, и имена многих немецких дворян составили славу России. Не были позабыты и прибалтийские крестьяне: на рубеже XVIII-XIX вв. было несколько ослаблено ярмо крепостного права. Договор, заключенный между Россией и Прибалтийским краем после окончания Северной войны в 1721 г., указывал на особый статус края и сохранение особого остзейского режима с его привилегиями, ранее предоставленными Эстляндии Швецией. Так, например, в этом крае нельзя было продавать и покупать землю российским помещикам, за исключением государственной; было разрешено самоуправление городов; была дана свобода вероисповедания (которой не было на другой территории России), т.е. сохранение лютеранства, и пр. Предоставленная широкая автономия сохранилась вплоть до конца XIX в., все это было сделано со стороны Российской империи с тем, чтобы найти поддержку у местного населения. В 1917 году Временное правительство России изменило границы Лифляндии и Эстляндии в их пользу, спустя 3 года Латвия и Эстония получили часть западных российских земель. По Тартускому мирному договору 1920 г. Эстония получила от России 15 миллионов золотых рублей. Все это получали прибалты путем конструктивного диалога с представителями русской стороны.

Ю.Ф. Самарин первый увидел проблему народа и власти и попытался вытащить на поверхность все противоречия национальной политики в Эстляндии. Но, может, он так и не узнал бы об этой проблеме, если бы не стечение обстоятельств. В 1846 году, став чиновником особых поручений при министерстве иностранных дел, он выехал в Ригу в составе ревизионной комиссии, где работал в течение двух лет. Изучив городские архивы, публицист-философ Самарин написал историю г. Риги ("Общественное устройство г. Риги", Санкт-Петербург, 1852). Он был возмущен тем, что остзейцы отгораживают себя от русских во имя немецкой национальности. Местное население Остзейского края стало презирать Россию и сделало там положение русских невыносимым, – таков был вывод Самарина о сложившейся обстановке в Прибалтике.

Такие реалии, отраженные в "письмах", власти расценили как разглашение служебных тайн – на тот момент общественный деятель состоял при рижском генерал-губернаторе Е.А. Головине. Результатом стало серьезное обвинение, затем арест и заключение в Петропавловской крепости. "Остзейский вопрос" и позже занимал Ю.Ф. Самарина и вызвал целый ряд исследований, напечатанных им за границей под заглавием "Окраины России". Основные задачи русской политики на окраинах, по мнению мыслителя, заключаются в поднятии и укреплении тех общественных элементов (латышей и эстов), которые дружественно расположены к основному населению государства и должны быть освобождены от

немецкого влияния. Однако, по определению Л. Афонского (1999), все это было "жизнью после смерти", и крупная работа Самарина "Украины России", посвященная национальному вопросу в Российской империи, уже не оказала никакого влияния на общественную жизнь страны. Славянофилы не достигли своих целей внутри страны и потерпели поражение во внешней политике. В результате раскола одни склонялись к консервативным идеям западников, другие – к либеральным. В любом случае это послужило единственной и главной причиной, по которой проблема, поднятая философом, так и не получила должного внимания в правительственных и общественных кругах. Однако Ю.Ф. Самарин был прав в отношении остзейского края. Исторические ошибки национальной политики XIX века лежат теперь в основе современных политических трений между Россией и Прибалтикой (вопросы о запрете русского языка и о гражданском статусе русского населения на территории Прибалтики).

7. Заключение

Подводя итог нашей работы можно сказать, что "народная монархия", по мнению Самарина, как форма правления – это наше историческое наследие. Только такая форма соответствует национальному духу. Сама же идея русской народной монархии – ничто иное, как акт народного суверенитета, к которому народ стремился во все исторические эпохи.

Государь – русский православный человек "от головы до ног" (Самарин, 1997), и этим дорожит наш народ. Однако парадокс остается парадоксом: русское правительство обладает огромной властью над своим народом благодаря народу. Возводя на властный Олимп своих правителей, народ получает возможность высказывать в дальнейшем свое мнение, но попадает у противоправного правительства в бесправное положение. Пытаясь разобраться в философско-исторических парадоксах, Ю.Ф. Самарин лишь подтвердил свой принцип, что сила русского народа и русского правительства в православной вере и национальном духе. Разница лишь в том, что у народа это в глубине сознания, а правительство пытается использовать веру и национальный дух в корыстных целях, а не во имя русской земли и русского государства. В любом случае существовать обособлено ни народ, ни верховная власть не могут: "Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню, оторвать корень правительства от корня народного и пересадить его на другую, искусственно созданную почву, – об этом могут помышлять только или враги правительства и России, или те близорукие друзья его, для которых наше прошедшее непонятно, настоящее мертво, а будущее страшно" (Самарин, 1997).

Несмотря на то, что судьба идейного наследия философа несколько трагична – в наше время его имя незаслуженно забыли и уже почти сто лет не переиздавали сочинения, – Самарин внес значительный вклад в историю философской, политической и общественной мысли России.

Со смертью этого деятеля, по словам И.С. Аксакова, начинается история для славянофильства. В 1876 г., после смерти мыслителя, он писал, что благодаря А.С. Хомякову, К.С. Аксакову и Ю.Ф. Самарину появилось, сложилось в идейную программу и пришло к завершению славянофильство как могучее дело, которое указало основы для дальнейшего развития русской мысли. Политический писатель и государственный деятель, служивший Российской империи, который немало сделал для ее преобразования, все же не сумел преодолеть косности тех, кто решал судьбу страны и бездарно вел ее к гибели. Как русский философ Самарин и поныне остается малоизвестным.

Литература

- Афонский Л. Славянофилы: прозрения и ошибки. *Москва*, № 11, с.23-29, 1999.
Афонский Л. Современная Россия и идея народной монархии. *Москва*, № 8, с.30-38, 2001.
Кантор В.К. Демократия как историческая проблема России. *Вопросы философии*, № 5, с.32-51, 1996.
Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. *М., Наука*, т.3, 450 с., 1995.
Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. "Русская система" как попытка понимания русской истории. *Полис*, № 1, с.37-47, 2004.
Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. *М., Российская политическая энциклопедия*, 608 с., 1996.
Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма: 1840-1876. *М., Река времен*, 259 с., 1997.
Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. *СПб., Изд-во СПб. университета*, 465 с., 1992.
Цимбаев Н. Славянофильство. *М., Прогресс*, 332 с., 1986.
Чаадаев П.Я. Сочинения. *М., Современник*, 570 с., 1989.